

Красивый, хорошо сложенный молодой человек. Темные кудри. Одет шеголеват. Много, пылко, красочно говорит. Аристократ. Оригинал. Не терпит пошлости. Вспыльчив.

Такую характеристику давали Бердяеву современники. А сам он вспоминал: «Когда я был в ссылке в Вологде, то побил палкой чиновника губернского правления за то, что тот преследовал на улице знаковую барышню... Очевидно, кровь предков мне бросилась в голову».

Ныне имя Бердяева у всех на устах. На Западе, как пишет Р. Гальпева, его называли русским Гегелем XX века, одним из величайших философов и пророков нашего времени. И вот сейчас, во времена перестройки, произошло открытие Бердяева на родине. «Спрос на Бердяева побивает сегодня все рекорды» (из той же статьи Гальпевой. «Литературная газета» от 3 августа 1989 года).

Тематика трудов Бердяева многопланова. Но, наверное, первое и главное, что поражает в них — это чувство свободы. Полное, ничем не ограниченное и не стесненное раскрытие.

В Государственном архиве Вологодской области имеются некоторые неизвестные для исследователей биографии философа материалы. Обратимся к ним.

Но первоначально скажем о том, как Бердяев оказался в Вологде. В книге «Самопознание» он пишет: «В 1898 году я был арестован по первому в России большому социал-демократическому делу и исключен из университета... В результате этого дела я был сослан на три года в Вологодскую губернию. Все почти социал-демократы были посланы в Вологодскую губернию, где мы продолжали общаться. Это дело, которое по обыкновению началось как судебное, кончилось в административном порядке и продолжалось около двух лет».

Первый документ о прибытии Бердяева в Вологду — это рапорт полицеймейстера начальнику губернского жандармского управления от 11 мая 1900 года. В нем говорится:

«9 сего мая прибыли в Вологду из гор. Киева с проходными свидетельствами: бывший студент Киевского университета Николай Александров Бердяев, прапорщик запаса армия Павел Лукин Тучапский и до-

БЕРДЯЕВ В ВОЛОГДЕ

машняя учительница Вера Григорьевна Тучапская, которые все остановились в «Золотом якор»...

Далее следуют сведения о прибывшем. Они таковы:

«1. Имя, отчество, звание, происхождение, вероисповедание, время и место рождения и воспитания:

Николай Александров Бердяев, из дворян, бывший студент Киевского университета, православный, 26 лет, воспитывался первоначально в Кадетском корпусе, а затем в Киевском университете.

2. Семейное положение и родственные связи:

Холост. Отец, Александр Михайлович, 63 л., и мать Александра Сергеевна 62 л., проживают в Киеве, брат Сергей 40 л. находится тоже в Киеве.

3. Имущественное обеспечение:

обеспечен средствами родителей, имеющих капитал до 25000 рублей и имение в Царстве Польском, приносящее доход до 4000 рублей в год...».

Обратим внимание на отсутствие в деле указаний на «государственные преступления», то есть на революционные действия Бердяева, приведшие его в ссылку. Их нет совсем. В то время, как в сведениях о прибывших с ним П. П. и В. Г. Тучапских составлен длинный список совершенных ими революционных деяний и соответствующих статей, по которым они высланы. И это все резко отличается от сведений о Бердяеве.

В июне вокруг имени Бердяева возникает некая, на первый взгляд, странная история, связанная якобы с состоянием его здоровья. В Вологду поступает донесение из департамента полиции, в которой, в частности, говорится: «Департаментом полиции получены сведения о болезненном состоянии состоящего под гласным надзором полиции бывшего студента Киевского университета Николая Александровича Бердяева, страдающего слабостью дыхательных органов и падучей болезнью и не вполне нормаль-

ного в психическом отношении: последняя болезнь у него наследственная, так как дед был сумасшедший, а отец и брат страдают нервным расстройством...».

Следует сказать, что сведения о психическом нездоровье могли быть связаны с тем, что в роду Бердяевых это имело место. К примеру, дальняя представительница этого рода Александра Григорьевна Бердяева, относящаяся к «вологодским Бердяевым», исконно жившим на Севере, мать известного поэта К. Н. Батюшкова скончалась от душевного заболевания. Как известно, сумасшествие постигло и самого Батюшкова. Можно привести и другие примеры. Но, безусловно, сведения о нездоровье самого Бердяева и его ближайших родственников в полицейской депеше преувеличены. Тем не менее делу дается дальнейший ход. Из канцелярии губернатора поступает распоряжение о медицинском обследовании ссыльного.

Что же стояло за всем этим? Действительно ли болезнь Бердяева и, так сказать, забота о его состоянии? Никаких других документов более на этот счет в архиве не сохранилось. Но объяснение можно найти в «Самопознании». Бердяев пишет: «Вологодским губернатором в это время был мой дальний родственник и друг моего дяди, графа М. П. Это тоже ставило меня в несколько привилегированное положение. Через месяца полтора я получил бумагу, что могу для поселения выбрать какой-нибудь не университетский город на юге России. Я был очень удивлен и, решив от этого отказаться, остался в Вологде. Оказалось, что мой крестьянский отец и муж моей тети, генерал свиты Его Величества Светлейший князь Н. П. Лопухин-Демидов, сказал Великому князю Владимиру Александровичу, с которым был близок, что племянника его жены и его крестьянского сына сослали в Вологодскую губернию, возмущался этим и просил, чтобы меня перевели на юг. Вел. кн. Владимир

Александрович немедленно сообщил об этом товарищу министра внутренних дел и начальнику жандармов. В результате мне предложили переехать на юг. Я считал это для себя морально неприемлемым. Да и не испытывал особых страданий от жизни в Вологде, мне даже нравился этот старинный северный городок, очень своеобразный и для меня новый...».

Как указывает сам Бердяев, в первый период он пользовался значительной популярностью среди ссыльных. В полицейских архивных документах неоднократно указывается: «Знаком со всеми состоящими под гласным и негласным надзором». В то время в Вологде среди ссыльных образовалось замечательное общество, своего рода «могучая кучка» интеллектуалов. И Бердяев оказался в центре внимания, и у него складывалось об этом круге свое суждение. «Все почти заходили ко мне в гостищу «Золотой якор», где я жил. Были среди ссыльных хорошие, симпатичные люди, все были людьми верующими в свою идею. Но дышать было трудно в их обществе. Было страшное суждение сознания. Были люди довольно читающие, но у среднего ссыльного уровень культуры был довольно низкий. То, что интересовало меня, не интересовало большую часть ссыльных. Меня считали индвидуалистом, аристократом и романтиком. Но в Вологде в эти годы были в ссылке люди, ставшие потом известными: А. М. Ремизов, Н. Е. Щеголев, Б. В. Савинков, Б. А. Кистяковский, приехавший за ссыльной женой, датчанин Маделунг, впоследствии ставший известным писателем, в то время представитель масляной фирмы, А. Богданов, марксистский философ, и А. В. Луначарский, приехавший немного позже меня...».

Какой список имен! Он говорит сам за себя. Сведения о том, что Бердяев занимает среди ссыльных влиятельное положение, дошло до полиции. В Вологду из Петер-

бурга последовал запрос начальнику губернского жандармского управления. «В департамент полиции получены указания, — говорится в нем, — что в Вологде существует будто бы целая колония неблагонадежных лиц, среди коих имеются не только люди дела, много работавших на революционной почве рецидивисты, но и теоретики, прекрасно знакомые со всеми современными течениями и с положением этого вопроса в Западной Европе. На собраниях этих неблагонадежных лиц весьма часто читаются А. Богдановым (Малиновским), Бердяевым и др. рефераты, возбуждающие интересные прения со стороны представителей разных революционных направлений».

Вахмистр Калягастов, безусловно, для оправдания своей профессиональной репутации пытался все представить в наилучшем свете — мол, никакой крамолы в Вологде нет и беспокоиться не о чем: «Согласно постоянно жандармского наблюдения эти лица большими группами собирают не делают и, как видно из разговора при слуги означенных лиц и официальных чтений вредного направления против правительства не бывает. Врач — Александр Малиновский и бывший студент Николай Бердяев в своих квартирах никаких противоправительственных чтений не читают».

В губернском жандармском управлении следовали той же логике, хотя отчет в Петербург, в департамент полиции составили в несколько иных, более реальных выражениях: «В г. Вологде лиц неблагонадежных в политическом отношении проживает 55 человек, а именно: состоящих под гласным надзором 29-ть и состоящих под негласным 26-ть; при этом гласно-надзорные составляют из себя совершенно отдельные кружки из нескольких человек каждый, не вращаются в Вологодском обществе, а проводят время только в своих кружках и не замечено, чтобы они вместе где-либо собирались для каких-либо чтений и прений по поли-

тическим делам. По собранным негласным путем сведениям гласно-поднадзорные врач Малиновский и бывший студент Бердяев нередко посещают своих знакомых гласно-поднадзорного князя Аргутинского Долгорукова и негласно поднадзорных помощника присяжного поверенного Вологодского окружного суда Жданова, частного поверенного Сигорского и служащего в губернской земской управе Строгалычкова, где во имеющимся агентурным сведениям они проводят время в числе трех или четырех человек — не больше за чтением и разговором».

Лица, перечисленные в этом документе, с которыми общался Бердяев, считались неопасными.

Что касается своих отношений с Малиновским, известным впоследствии философом, общественным деятелем и ученым под фамилией А. Богданов, то сам Бердяев не считал его близким человеком. «Курьезны были мои отношения с А. Богдановым (Малиновским), который впоследствии создал целую философскую систему, синтезировавшую марксизм с эмпириокритицизмом и эмпириопионизмом. А. Богданов был очень хороший человек, очень искренний и беззаветно преданный идее, но по типу своему совершенно мне чуждый. В то время меня уже считали «идеалистом», проникнутым метафизическими исканиями».

Когда Бердяев был в вологодской ссылке, вышла в свет его первая книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», подвергшаяся серьезной критике с левых позиций. Но вместе с тем ее выход означал, что в русскую философию вступил неординарный мыслитель. В Вологде Бердяевым были написаны и некоторые статьи.

Многие из участников вологодской ссылки того времени вспоминали о Бердяеве. Вот что, в частности, писал А. В. Луначарский: «На первом плане блистал Николай Александрович Бердяев, только еще на-

чавший переходить от идеалистически окрашенного марксизма к сумеркам мистики... Мне пришлось с первых же рефератов выступить со всей резкостью именно против Бердяева. Сколько могу помнить, успех мой был очень велик, и влияние Бердяева в нашей среде чрезвычайно ослабло».

А вот что вспоминал о Бердяеве и своей вологодской ссылке А. А. Богданов:

«...Я приехал туда в начале 1901 г. и нашел там несколько десятков ссыльных, в числе их группу киевлян с Бердяевым, как теоретиком во главе... Бердяев обычно оппортировал: он тогда был хороший оратор (лучше нас), но по научным знаниям стоял невысоко, а в философии хорошо знал лишь неокантианские школы, отнюдь не позитивные (попадал в неловкое положение по поводу Авенариуса и Маха). Понемногу даже киевляне стали колебаться в отношении к нему: среди же остальной колонии перевес уже в 1902 г. был определенно на стороне «реалистов», за Бердяева были только некоторые народоуправцы (Вера Дениш, Неклепаев) да беллетрист А. М. Ремизов. В 1902 г. приехал Луначарский и сразу стал резко полемически выступать против Бердяева... Влияние Бердяева в колонии свелось на нет, а отношение к нему со стороны социал-демократов было вообще ироническое. Он перестал выступать и до (окончания) срока ссылки, вообще воспользовавшись своими связями, уехал».

Время внесло свои поправки в оценки философии Бердяева. Как знать, скорее всего, его жизнь могла быть трагически прервана, как произошло со многими. В 1920 году он был арестован ОГПУ. Но его допрашивал лично сам Дзержинский и пораженный «мом философа» приказал освободить его. Бердяев был выслан на Запад. И сделал вероятно много.

Он умер в Париже в 1948 году — за работой, за письменным столом.

Ныне все, что связано с жизнью и творчеством Бердяева, вызывает большой интерес. Не сомневаемся, что это относится и к материалам о пребывании его в Вологде.

В. АРИНИН.